

П Р И Б А В Л Е Н І Я
К Ъ В О Л О Г О Д С К И М Ъ
Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ъ М Ъ В Ъ Д О М С С Т Я М Ъ

(Г О Д Ъ П Я Т Ъ Д Е С Я Т Ъ В Т О Р О Й).

Октября 15.

№ 20.

1915 года.

**Поученіе въ день тезоименитства ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАря НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА и
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСІЯ НИКОЛАЕВИЧА 5 октября
1915 года *).**

Существуетъ у насъ на святой Руси добрый обычай привѣтствовать близкихъ и родныхъ людей въ дни нарочитыхъ семейныхъ ихъ праздниковъ, каковы дни рожденія и тезоименитства или именинъ, при чемъ виновникамъ этихъ праздниковъ мы высказываемъ наши лучшія благожеланія и подтверждаемъ свои чувства родственной и дружеской любви къ нимъ, а наиболее близкимъ и любимымъ приносимъ посильные дары.

Сегодня одиннадцатый разъ въ своей юной жизни справляетъ день своего ангела Царственный отрокъ, единственный сынъ Вселюбленнаго нашего Монарха и Его Наслѣдникъ, Цесаревичъ Алексій Николаевичъ. Сегодня праздникъ въ Царской семьѣ, а съ нею вмѣстѣ празднуетъ нынѣшній день и вся многомилліонная семья великаго русскаго народа. Сегодня Православная Россія на всемъ своемъ необъятномъ пространствѣ усердно молится за родного ей именинника, милліоны сердець пламенѣютъ чувствами искренней и доброжелательной любви къ нему, милліоны людей обращаютъ къ нему свои взоры и думы.

При обстоятельствахъ исключительныхъ и чрезвычайныхъ началась и протекаетъ жизнь юнаго Царственнаго именинника. Вспомните годъ его рожденія—1904-й годъ. Это было время тяжелой войны нашей съ Японіей. Не торжественнымъ громомъ орудій съ Петропавловской крѣпости ознаменовано было рожденіе Царскаго первенца, какъ это бывастъ при обычныхъ условіяхъ жизни, а громомъ и трескомъ разрушительныхъ боевыхъ снарядовъ, подъ раскатами которыхъ содрогалась Россія въ своей борьбѣ съ упорнымъ врагомъ, и надъ колыбелью младенца носились тѣни горя, скорби и страданій народныхъ. Кончилась тяжкая война—наступило время внутренней смуты, вспыхнула

(* Пронесено въ Вологодскомъ Каѳедральномъ соборѣ при архіерейскомъ служеніи.

революція, съ пожарами, грабежемъ и убійствами. Снова въ Царской семьѣ горе и скорбь, ибо семья Отца земли Русской не могла не страдать при кровавыхъ обстоятельствахъ того времени, когда видѣла, что на ея доброжелательную любовь ко всемъ вѣрноподданнымъ отвѣчаютъ измѣной и бунтомъ. Миновало и это кошмарное и страшное время. Вздохнула родная страна, а съ нею вмѣстѣ и Царская семья, вздохомъ успокоенія, принялась за созидательную и напряженную работу государственнаго строительства. Будущее сулило миръ и благополучіе. Раны недавняго прошлаго стали залечиваться, ожидалось, что наступила наконецъ пора встать народу-великану на свои могучія ноги крѣпко и твердою стопою вступить на путь всесторонняго развитія своихъ, временно надломленныхъ, силъ. Непродолжительна, однако, была эта благодатная пора. Прошло всего лишь нѣсколько лѣтъ, въ теченіе коихъ горячо любимый народомъ Сынъ Царевъ едва успѣлъ миновать нѣжный младенческій возрастъ и вступить въ пору отрочества, съ его пробуждающеюся сознательностью и вдумчивостію, какъ снова загремѣлъ громъ войны и войны небывалой, превосходящей по своимъ размѣрамъ и разрушительности все, что когда-либо видѣлъ и зналъ міръ. Снова скорбь и страданія широкою волною разлились по всему лицу многострадальной матушки Руси, снова горе и скорбь въ Семьѣ перваго печальника за свой народъ—Царя Русскаго, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ однимъ скорбящимъ сердцемъ въ Царской Семьѣ стало больше, такъ какъ на этотъ разъ въ одинъ тактъ съ сердцемъ народнымъ бьется только что раскрывшееся для сознательнаго чувства сердце Наслѣдника Престола. Что могли любовь и заботливость родительская скрыть отъ взора и слуха младенца, того нельзя уже утаить отъ пытливаго ума отрока. Онъ знаетъ, что сейчасъ происходитъ въ странѣ родной, слышитъ стоны родного народа, повимаетъ его скорбь и своимъ дѣтскимъ отзывчивымъ сердцемъ сочувствуетъ ей. Сейчасъ онъ, со своимъ Родителемъ, находится даже тамъ, вблизи мѣста военныхъ дѣйствій, гдѣ ключемъ кипитъ жизнь арміи.

Чего-же мы, по русскому обычаю, пожелаемъ для родного всемъ намъ Именинника? О чемъ будемъ молиться, чего должны просить для него у Небеснаго Царя и Устроителя судебъ человѣческихъ? Какой даръ принесемъ красѣ Царской Семьи отроку-Цесаревичу, въ день его ангела? Чѣмъ утѣшимъ его?

Сказать дорогому Имениннику, что мы всею душою любимъ его, беззавѣтно предамы ему и готовы пожертвовать за него своею жизнію, только сказать это—мало, возлюбленные сограждане. Слова, хотя-бы и самыя краснорѣчивыя, и чувства, хотя-бы самыя горячія и возвышенныя, но не сопровождаемыя соответствующими дѣлами, все это дары не высокой цѣнности и идти съ такими только дарами на поклонъ къ Имениннику едва-ли прилично и достойно насъ, вѣрныхъ подданныхъ своего Государя и Его Царственного сына. Надобно подумать о дѣлахъ, которыя утѣшили бы Августѣйшаго Родителя и его возлюбленнаго сына Наслѣдника, которыя были-бы достойнымъ отвѣтомъ съ нашей стороны на ихъ любовь къ намъ и къ дорогой нашей общей съ ними матери-родицѣ.

Что народъ русскій въ массѣ своей служить родинѣ въ тяжкую годину посѣтившаго ее испытанія, безропотно посылая на поле брани милліоны своихъ сыновей,—это у всѣхъ на глазахъ. Что доблестная русская армія во главѣ со своимъ Верховнымъ Вождемъ свято исполняетъ свой долгъ передъ родиной—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Свидѣтель тому весь міръ, преклоняющійся предъ геройствомъ и подвигами нашихъ доблестныхъ воиновъ. Что правительство и лучшіе люди русскаго общества не покладая рукъ работаютъ на нужды арміи и страны—это мы видимъ и знаемъ. Знаемъ мы также, что всѣ классы населенія выдѣляли изъ своей среды цѣлые кадры работниковъ и преимущественно работницъ, не по присягѣ и долгу службы, а по влеченію сердца несущихъ подъ знаменемъ Краснаго Креста свой святой трудъ и туда, на поля брани, гдѣ льется кровь и гремитъ грома войны, и здѣсь, внутри страны, по многочисленнымъ лазаретамъ и госпиталямъ, исполняющихъ свягья обязанности сидѣлокъ и сестеръ милосердія. На нашихъ глазахъ учащаяся молодежь, не гнушаясь чернымъ и тяжелымъ трудомъ, работаетъ въ лазаретахъ и помогаетъ семьямъ воиновъ въ ихъ сельскохозяйственныхъ работахъ, а въ Москвѣ студенты высшихъ учебныхъ заведеній разгружаютъ и колютъ дрова для городской бѣдноты. Все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ дивную картину могучаго подъема духа въ странѣ и усиленной работы на нужды войны.

Картина дивная, но отвлечемъ на время отъ нея свои взоры, оглянемся вокругъ себя и спросимъ себя: ну, а мы-то съ вами, мы, рядовые граждане, не пославшіе на войну своихъ дѣ-

тей и братьевъ, не призванные въ правительственной и общественной работѣ, не принимающіе непосредственнаго участія въ трудахъ мѣстныхъ благотворительныхъ организацій и учреждений,—что мы сейчасъ несемъ въ жертву родинѣ, чѣмъ и какъ служимъ ей?

Когда серьезно задумаешься предъ этими вопросами, то въ воображеніи невольно рисуется другая картина, обычная и хорошо всѣмъ извѣстная картина пожара. Горитъ жилой домъ, яростно бушуетъ всепожирющее пламя, мечутся несчастные жильцы, спасая свою жизнь и жалкіе остатки своего достоянія; пожарная команда изъ силъ выбивается, задыхаясь отъ дыма и жары, ежеминутно подвергая себя смертной опасности борется съ огнемъ; трескъ, шумъ и крики; сверху въ небѣ дрожить и колеблется надъ ужаснымъ костромъ зловѣщее багровое зарево, а въ воздухѣ тяжелымъ облакомъ стелется смрадный и удумливый дымъ. Вокругъ—толпа. Кой кто изъ нея отдѣлился на помощь пожарнымъ и жильцамъ, но большинство собравшагося на пожарѣ народа остается вдали отъ огня. Одни съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за работою пожарныхъ, высказываютъ свои замѣчанія, критикуютъ ихъ дѣйствія, строго порицаютъ ихъ за то, что они поздно явились къ мѣсту пожара; иные горячо осуждаютъ общественные порядки, при которыхъ будто-бы только и возможны такіа бѣдствія; слышится въ толпѣ и возгласы искренняго, повидимому, сочувствія къ несчастнымъ жильцамъ горящаго дома, но слѣдуетъ лишь внимательно прислушаться къ этимъ возгласамъ, какъ вы подмѣтите въ нихъ нѣкоторое чувство себялюбиваго довольства тѣмъ, что страдаютъ другіе, гибнетъ чужое достояніе, что до насъ далеко и огонь не дойдетъ. А большинство людей въ толпѣ—просто стоитъ и смотритъ.

Други и братія! Всмотрися внимательно въ окружающую насъ будничную дѣйствительность, разберемся тщательно и безпристрастно въ своихъ собственныхъ чувствахъ и переживаніяхъ, оцѣнимъ безъ лукавства и самооправданія свое поведеніе, свои поступки и дѣйствія въ ихъ отношеніи къ событіямъ настоящаго времени и дадимъ себѣ отвѣтъ по совѣсти: не представляемъ-ли мы, хотя-бы въ нѣкоторой степени, той толпы на пожарѣ, которая смотритъ на происходящее бѣдствіе, охаетъ, критикуетъ и осуждаетъ, а сама старается держаться подальше отъ происходящихъ на ея глазахъ событий? Не смотрятъ-ли только нѣкоторые изъ насъ на войну, сѣтуя лишь на тѣ неудобства и затрудне-

нія, которыя она вызываетъ въ ихъ личной жизни? Не ждемъ-ли мы отъ нашей арміи только громкихъ и блестящихъ побѣдъ, малодушествуя при каждой неудачѣ и временномъ затрудненіи? Не умѣя разобраться въ планахъ и намѣреніяхъ высшихъ военачальниковъ, не сѣтуемъ-ли мы, что они дѣйствуютъ не такъ, какъ слѣдовало бы по нашему мнѣнію? Прислушаемся къ тому, что говорится сейчасъ въ обществѣ и печати, и мы увидимъ, какъ строго осуждаютъ и критикуютъ дѣйствія правительства.

Судимъ мы, судимъ всѣхъ и каждого, власть имущаго, безразлично—будетъ-ли это власть государственная или общественная, забывая, что сейчасъ переживается именно такой моментъ, когда каждому нужно отвѣчать за себя, каждому нужно добросовѣстно исполнять свои обязанности, каждому нужно вносить свою долю въ ту общую массу повышеннаго труда и усиленной энергіи, которая повелительно и настоятельно требуется жгучею остротою исключительнаго историческаго момента.

Добросовѣстность вездѣ и во всемъ должна быть сейчасъ основнымъ началомъ нашей жизни и дѣятельности болѣе, чѣмъ когда-либо. Между тѣмъ въ окружающей насъ жизни наблюдается не мало такихъ явленій, которыя заставляютъ глубоко задуматься надъ тѣмъ—такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, — взглянемъ, безпристрастнымъ взоромъ на то, что происходитъ у насъ здѣсь, внутри страны, вдумаемся внимательно въ то, что ближе къ намъ и доступно нашему наблюденію. Всѣ мы сейчасъ горько жалуемся и громко сѣтуемъ на то, что намъ жить очень трудно, что вездѣ и всюду безпорядки, недосмотры и опущенія, что жизнь чрезвычайно вздорожала, необходимыхъ припасовъ нѣтъ, стоимость всякаго наемнаго труда повысилась до неслыханныхъ размѣровъ. И правда, жить тяжело. Отъ чего это? Говорятъ—иначе и нельзя, таковы общія условія жизни, созданныя войною. Да такъ-ли? Однѣ-ли эти условія служатъ причиною того, что у насъ такъ много сейчасъ разнаго рода безпорядковъ и нестроеній во внутренней жизни страны? Военныя-ли обстоятельства только повинны въ томъ, что у насъ цѣлые города остаются безъ самыхъ необходимыхъ припасовъ, влѣдствіе чего населеніе волнуется, тревожно настраивается, а наиболѣе возбудимые элементы, лишаясь возможности спокойно работать, вносятъ мѣстами открытый безпорядокъ въ обычное теченіе жизни? Дѣйствительно-ли дороговизна жизни такъ отзывается на стоимости всякаго наемнаго тру-

да, что простой рабочій, ремесленникъ и поденщикъ, назадъ тому годъ довольствовавшійся извѣстной платой за свой трудъ, нынѣ за тотъ же самый трудъ *долженъ* требовать втрое, вчетверо и даже впятеро дороже? Никто, конечно, не будетъ спорить съ тѣмъ, что переживаемое исключительное время создаетъ исключительныя условія и для внутренней жизни, но если поставить рядомъ съ одной стороны нашего сѣраго героя-воина, оставившаго дома семью, свое, добытое тяжелымъ трудомъ, достояніе и родной домъ, и тамъ, на поляхъ сраженій, терпящаго всѣ невзгоды и ужасы боевой жизни, ежеминутно подвергающагося опасности потерять драгоцѣннѣйшій Божій даръ—жизнь, а съ другой—человѣка, находящагося въ своей привычной домашней обстановкѣ, въ полной безопасности и за своими обычными занятіями, то, скажите, не позволительно-ли усумниться въ полной добросовѣстности послѣдняго, если онъ не исполняетъ своихъ обязанностей во всей ихъ полнотѣ потому только, что для этого требуется нѣсколько больше труда, чѣмъ въ обычное время, если онъ прекращаетъ или пріостанавливаетъ свое, хотя-бы и частное, но тѣсно связанное съ интересами окружающихъ, дѣло по тому только, что оно въ данный моментъ для него не такъ выгодно, какъ въ обычное время, или, наконецъ, спрашиваетъ за свой трудъ втрое, вчетверо и даже впятеро дороже противъ обычной его стоимости? Не грѣшатъ ли люди, такъ поступающіе предъ Богомъ, родиною и предъ доблестной арміей нашей, когда такимъ образомъ создаютъ затрудненія для окружающихъ, вносятъ въ жизнь волненія, возбуждаютъ недобрыя чувства и парализуютъ покойный и созидательный трудъ, столь необходимый сейчасъ во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ для побѣды надъ врагомъ? Недобросовѣстность всегда предосудительна, а сейчасъ она тягчайшее преступленіе, достойное высшей Божеской и человѣческой кары.

Еще нѣсколькими словами возвращу я ваше вниманіе, возлюбленные слушатели, къ картинѣ пожара. Тяжелымъ облакомъ удушливый дымъ отъ пожарница стелется надъ зрителями и временемъ закрываетъ отъ нихъ то, что происходитъ тамъ, вокругъ пылающаго зданія. Такимъ-же тяжелымъ и удушливымъ облакомъ надъ нами, находящимися вдали отъ пожара войны, разстилаются всевозможные слухи. Много ихъ въ послѣднее время распространяется въ обществѣ. Въ гостинныхъ, въ мѣстахъ общественныхъ собраній и даже на базарныхъ площадяхъ иногда

тайнственно и подъ секретомъ, а иногда прямо и открыто передаются и воспринимаются всевозможные слухи. Кажется, самый воздухъ насыщенъ ими. Откуда они, кто ихъ съветъ — неизвѣстно, трудно добраться до ихъ источника. Несомнѣнно только то, что недобрые люди эти съветели, не о благѣ родины хлопчуть они. Переживается страшно тяжелое время, такое время, когда всѣ вѣрные сыны Россіи должны соединиться въ одну дружную семью и съ неослабѣвающей энергіей, кто чѣмъ и какъ можетъ, служить общему дѣлу. Великій грѣхъ предъ родиною берутъ на себя тѣ, кто рѣшается теперь, въ моментъ общаго напряженія, съять смущеніе въ умахъ и поселать недовѣріе, но не безвинны и мы съ вами, если содѣйствуемъ такъ или иначе распространенію неосновательныхъ и тревожныхъ слуховъ.

Вотъ, дорогіе братія и други, тѣ тѣневныя и отрицательныя стороны современной дѣйствительности, на которыя намъ необходимо обратить серьезное вниманіе.

Сдѣлаемъ-же это сейчасъ, совершимъ надъ собою строгій самосудъ, задумаемся серьезно и глубже въ свои дѣйствія и поступки и сейчасъ-же, не выходя изъ храма, здѣсь предъ лицомъ Божиимъ дадимъ твердый обѣтъ служить родинѣ не щадя своихъ силъ, ни на минуту не уклоняясь отъ вѣдннй долга и рѣшительно исключивши изъ своей жизни и дѣятельности все то, что хотя сколько нибудь отзывается преступнымъ себялюбіемъ и своекорыстіемъ. И пусть сообразныя съ этою рѣшимостію дѣла наши послужатъ достойнымъ имениннымъ подаркомъ отъ насъ возлюбленному Наслѣднику Россійскаго престола, Цесаревичу Алексію Николаевичу, юное сердце котораго болитъ и скорбитъ болью и скорбями родной земли.

Молясь объ Немъ, будемъ молиться о себѣ, чтобы Господь помогъ всѣмъ намъ быть истинными сынами своего отечества. Будемъ молиться объ общей нашей матери-родинѣ, да возстанетъ она изъ пучины обышедшихъ ее вѣшнихъ и внутреннихъ золъ твердою и несокрушимую.

Милость Божія да будетъ надъ нею и надъ всѣми нами. Аминь.

Протоіерей Андрей Воскресенскій..

Мои воспоминанія объ Имѣѣ.

Въ первый годъ моего служенія особенно много мнѣ пришлось перенести своеволія прихожанъ и непониманія ими цер-

ковно-общественной жизни. Долго я кланялся, молил и убѣждалъ прихожанъ отвести 2 десятины лучшихъ луговъ для новаго причта изъ массы имѣющихся таковыхъ у прихожанъ и едва успѣлъ въ этомъ, а всего количества пашни такъ и не вымежевали новые прихожане за домами причтовъ, гдѣ расположены всѣ крестьянскія поля. А и всего то нужно было $1\frac{1}{2}$ десятины. Только $\frac{1}{2}$ дес. крестьяне дали въ жолательномъ для причта мѣстѣ, и то въ качествѣ усадьбы и огорода. Оставили безъ всякаго удобренія міромъ и новую, только что выкорчеванную пашню, хотя въ приговорѣ объ открытіи у нихъ причта крестьяне и обѣщались дать причту землю удобренную. Трения эти между мною и новыми прихожанами на первыхъ же порахъ службы у нихъ и теперь остаются непріятнымъ осадкомъ въ добрыхъ воспоминаніяхъ моихъ о нихъ, такъ какъ требованіе причта, и при томъ минимальное и законное, несогласные между собой потомки Уляшевыхъ не сочли нужнымъ удовлетворить. А вѣдь сколько они хлопотали объ открытіи причта въ виду крайней нужды въ немъ?!— Цѣлые годы. . Да и причтъ открыть былъ у нихъ въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ, по которымъ, въ каждомъ новооткрываемомъ приходѣ полагается для причта въ нашей епархіи 33 дес. земли. Для Роздинскаго же прихода высшее духовное начальство, въ виду исключительной особенности этого прихода (вслѣдствіе отдаленности его отъ приходскаго храма и неудобныхъ путей сообщенія), удовлетворилось самыми минимальными требованіями... И эти то требованія остались не вполне исполненными прихожанами!

Помимо земельного вопроса новые прихожане мало обращали вниманія на мои просьбы и относительно ремонта причтовыхъ домовъ. Были одни только дома, безъ всякихъ службъ, да и какіе это дома? Сарай!! Дефектовъ въ нихъ масса. Домъ священника малъ, неудобенъ, холодный; во всемъ домѣ, не говоря уже о задворной постройкѣ и „чуланѣ“,—течь. Кухня (1 кв. сажень), остальные три комнаты—„каморки“. Не было погреба-ледника, амбара, бани. Въ послѣднюю приходилось ходить за $\frac{1}{4}$ версты отъ дома. А вѣдь въ приговорѣ при ходатайствѣ открытія причта все это, навѣрно, было выставлено въ лучшемъ видѣ,—не подкopaешья, дескать. Нѣкоторые дефекты остались неисправленными и послѣ меня,—домъ остался тѣмъ же, но только съ расширенной перегородкою кухней и съ устроенной въ ней плитяной печкой... Крыша исправлена, но домъ многого еще требуетъ въ смыслѣ удобства. Службы надворныя имѣются всѣ.

Равнодушіе прихожанъ къ законнымъ требованіямъ причта сначала меня удивляло и привело въ раздраженіе, но затѣмъ, когда я болѣе ознакомился съ жизнью новой паствы, увидѣлъ, что удивляться было нечему. Не стоило мнѣ и раздражаться и первничать. Мои прихожане были въ полномъ смыслѣ слова „дѣти природы“. Живя въ глуши, гдѣ то, въ тридесатомъ царствѣ, не видя надъ собою никакого начальственнаго ока, не имѣя руководителя на пути христіанской жизни, эти дѣти природы были предоставлены въ своемъ духовномъ развитіи исключительно самимъ собою. Своеволіе, несогласіе между собой и зависть, — были обычнымъ явленіемъ среди прихожанъ всѣхъ деревень. Пьянство и пьяный разгулъ, особенно присущіе инородцамъ, были развиты въ высшей степени. Наравнѣ съ мужчинами пьянствовали и женщины, пили и дѣти подростки. Было пьяное, кошмарное царство. Уже годъ спустя, послѣ пріѣзда, въ моемъ дневникѣ сдѣлана была замѣтка: „сегодня узналъ отъ попечителя И. А. У. о возмутительномъ событіи въ приходѣ. Прихожане мои ко дню храмоваго праздника пріѣздили изъ Помоздина, по подсчету самихъ прихожанъ 55 ведеръ вина и это количество губительнаго зелья проглотили въ 2—3 дня“. беру для иллюстраціи нравственной распущенности прихожанъ еще выдержку изъ дневника:—...„постъ для христіанской жизни прихожанъ прошелъ малозначуще, если можно такъ выразиться; изъ нихъ и $\frac{1}{2}$ не было у исповѣди и св. Причастія. Спасибо только „Крутовскимъ“, которые почти всѣ исполнили христіанскій долгъ исповѣди и св. Причастія. Прочіе же прихожане изъ деревень полѣнились въ заботахъ о душѣ. Впрочемъ, погостчане тоже, почти всѣ безъ исключенія, исполнили свой христіанскій долгъ.—Деревня „Нямѣдъ“ (портянки) краснорѣчиво оправдала свое названіе и въ нерадѣніи о своей душѣ взяла печальную пальму первенства: исповѣдниковъ изъ этой деревни было всего 5 человекъ. Многіе прихожане, какъ узналъ впоследствии, отложили исповѣдь до Петрова поста. Конечно, хорошо и это. Но пусть это будетъ исключеніемъ для перваго года приходской жизни. Здѣсь не на столько много прихожанъ, чтобы не успѣть ихъ исповѣдать за одинъ великій постъ,—золотое время для всякой искренно вѣрующей христіанской души. Большая часть мужчинъ возвратилась уже изъ „лѣсованья“ по своимъ домамъ въ страстной и даже шестой недѣлѣ,—но и въ великій четвертокъ,—въ который я приглашалъ исповѣдаться не бывшихъ у

исповѣди прихожанъ, исповѣдниковъ и причастниковъ было всего 6 человекъ. Но мало того, что не поговѣли мои прихожане, они и постъ то провели слишкомъ весело, не по постному. Пьянствовали чуть ли еще не чище, чѣмъ въ промежговѣнье. Объяснилось потомъ, что ко времени возвращенія мужчинъ изъ лѣсу, съ лѣсныхъ промысловъ, жены ихъ исправно запаслись для своихъ кормильцевъ изряднымъ количествомъ водки. Къ тому же, кстати, какъ хищники на „стервятину“, понаѣхали и скунщики — прасолы. Ни въ пору, ни въ время, какъ говорится, такимъ образомъ открылось море разливанное. Пей, гуляй, душа христіанская, — а давай ка намъ дорогую „пушинку“! Вотъ какъ проходилъ великій постъ въ приходѣ, гдѣ съ великимъ нетерпѣніемъ и нуждой ждали пераго священника. Утѣшили, братіе, своего новаго духовнаго отца!! Но обиднѣе всего то, что даже и въ день причастія нѣкоторые невоздержанные къ вину „нализывались“ до состоянія невѣняемости. Въ числѣ послѣднихъ была и женщина одна, алкоголичка, изъ деревни Лачевской. Напившись вина въ день св. Причастія, она въ квартирѣ учительницы (къ кой мы зашли съ женой поздравить ее съ принятіемъ св. Таинъ) оскорбила насъ обоихъ, назвавъ насъ „жидами“ за то только, что мы не угостили сію особу наканунѣ сего дня чаемъ. Но какъ было угостить ее наканунѣ, когда явилась она къ намъ въ моментъ моего выхода изъ дому въ церковь къ вечернѣ и исповѣди, къ каковымъ я приглашалъ слѣдовать и ее вмѣстѣ со мной. Другое дѣло, — если бы женщина эта посѣтила насъ въ день своего причастія, тотчасъ по литургіи, отказу въ чашкѣ чаю, конечно, не было бы, тѣмъ болѣе, что дома сія неспокойная во хмѣлю прихожанка — одна изъ добрѣйшихъ женщинъ, и въ свой пріѣздъ въ Лачевскую, отдохъ причтъ имѣеть всегда въ домѣ ея мужа. Кромѣ того, зайдя къ намъ послѣ литургіи, не соблазнилась бы сія слабая женщина и чаркой вина.

Чтобы не повадно было прихожанамъ и впредь оскорблять священника, я, въ первый же пріѣздъ въ дер. Лачевскую, квартиру нашель у другого прихожанина и этотъ случай, видимо, пришелся не по сердцу мужу оскорбившей насъ женщины; послѣ пасхальной славы В. А — чъ, (такъ звали мужичка), онъ же и часовенный староста, чуть не со слезами прссиль меня предложить гнѣвъ на милость и усиленно приглашалъ въ слѣдующіе пріѣзды не обходить его квартирой и гостепримствомъ. Я сдѣ-

лалъ при этомъ случаѣ должное вразумленіе и наставленіе о почитеніи къ духовенству“.

На эту „теплохладность“ прихожанъ въ отношеніи исполненія ими христіанскаго долга исповѣди и св. причастія и на непочитаніе святости великаго дня для всякой вѣрующей души я обратилъ должное пастырское вниманіе. Вѣдь откладывая христіанское дѣло очищенія совѣсти съ году на годъ, иной прихожанинъ незамѣтно для самого себя переходилъ въ разрядъ равнодушныхъ такъ сказать, питая надежду, что предъ смертію, авось удастся „дарьясьны“ (причаститься). Теперь, съ назначеніемъ своего священника это равнодушіе нѣкоторыхъ еще болѣе можетъ усилиться, въ той надеждѣ, что въ случаѣ болѣзни всегда „живымъ манеромъ“ (ѡ ти-дуканъ по зырянски), можно достать священника... Вотъ почему, почти весь великій постъ, я еустанно говорилъ въ церкви поученія о покаяніи и причащеніи и о вредѣ пьянства, въ особенности въ великій день св. Причащенія, сколько бы ни было богомольцевъ. Надѣюсь, эти поученія принесутъ в плодъ въ слѣдующій постъ, ибо не однажды приходилось слышать отъ погостчанъ и деревенскихъ прихожанъ спасибо за „буръ кывъ“ (доброе слово). Въ томъ же великомъ посту, съ помощью Божіей положено начало и обществу трезвости въ приходѣ (о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ). Дій же Богъ, чтобы все, слышанное въ храмѣ, принято было прихожанами близко къ сердцу и не на словахъ только, а и на дѣлѣ!

Много зла приносятъ въ великомъ посту моимъ прихожанамъ и скупщики—прасолы, которые для скупки лѣсныхъ промысловъ пріѣзжаютъ съ большимъ запасомъ вина и въ своихъ интересахъ „околначиваютъ“ добродушныхъ, простоватыхъ и падкихъ на водочку инсродцевъ-зырянъ.

Кстати, расскажу еще случай, вспомянувшійся мнѣ изъ первыхъ дней службы моей въ новомъ приходѣ,—случай, который показываетъ на сколько могутъ быть грубы и своевольны люди, ничѣмъ и никѣмъ нестѣсняемые, нечувствующие за собой никакой отвѣтственности,—люди, всю свою большую часть жизни проводящіе въ лѣсу, въ сообществѣ звѣрей.

Дѣло было, какъ сейчасъ помню, въ ночь на 26 декабря. Меня и псаломщика послѣ праздничной славы въ погостѣ отвезли въ дер. Лачевскую для совершенія праздничной службы въ часовнѣ этой деревни. Пріѣхали. Только что расположились за горячимъ самоварчикомъ. Вдругъ входитъ къ намъ на квартиру

внушительной комплекции старецъ, здорово подвыпившій и обратившись ко мнѣ спрашиваетъ: „ты священникъ?“ — Какъ видишь, отвѣчаю я. Привезъ ли св. Дары? „Нѣтъ, — потому что ящики ваши на вопросъ мой, нѣтъ ли больныхъ въ деревнѣ, о такихъ не заявили“. — А, не заявили?! А ты не обязанъ?! Да я тебя сейчасъ же подъ судъ?! Какой ты священникъ?!“ — Что мнѣ было дѣлать? Въ домѣ масса незнакомаго пока народа и при томъ много выпившихъ, — всѣ они пришли посмотрѣть на новаго священника. На просьбу къ грубяну оставить незаслуженную ругань, послѣдній еще болѣе раскричался. Я во избѣжаніе еще большаго скандала, да чтобы, по слову апостола, „не метать бисера предъ свиньями“, воздержался отъ увѣщаній и наставленій, въ данномъ случаѣ совершенно бесполезныхъ, а чтобы успокоить взбунтовавшагося старца и показать съ первыхъ же поръ служенія, что всякое законное требованіе прихожанъ, хотя бы и въ грубой формѣ выраженное, я готовъ всегда исполнить, не отдохнувъ съ дороги и даже не успѣвъ почаявать, выѣхалъ обратно домой за св. Дарами. Пріѣхавъ домой, страшно напугалъ жену, рассказавъ ей печальное обстоятельство, — она въ слезы... „да какъ же намъ жить то здѣсь?“ „Поговоримъ объ этомъ послѣ“.

Сходилъ въ церковь, взялъ св. Дары и опять за 35 верстъ на свѣжей лошади. Пріѣзжаю раннимъ утромъ. Въ деревнѣ только просыпались. Останавливаюсь прямо въ домѣ больной женщины, мужъ которой нанесъ такое оскорбленіе ни въ чемъ не провинившемуся предъ нимъ своему новому священнику, впервые посѣтившему его деревню. И что же? Еще полуспанннй, не ожидая такого скоропалительнаго обратнаго моего пріѣзда, оскорбившій меня прихожанинъ (какъ выяснилось) и послѣ моего выѣзда еще долго дебошировалъ, а къ утру не вполнѣ даже и вытрезвился. Падаеть на колѣни, — просить прощенія. Я благословилъ его и просилъ указать больную, сказавъ, что сейчасъ не до разговоровъ. Причастилъ больную, къ слову сказать, больную отъ «переноя», — отслужилъ затѣмъ въ часовнѣ утреню и водосвятный молебенъ, — вызвалъ своего бунтаря-прихожанина на квартиру и сдѣлалъ ему публично должное наставленіе. А затѣмъ, нужно правду сказать, — этотъ грубый прихожанинъ за всю мою 3 лѣтнюю жизнь въ Роздинскомъ приходѣ, не остав-

лялъ желать лучшаго. Часто посылалъ или лично приносилъ подарочки, въ видѣ рыбы и дичи, всегда съ радушіемъ принималъ и угощалъ меня у себя и вообще всегда былъ на добромъ счету.

Священникъ *Иаковъ Спаскій.*

О б ъ я в л е н і я .

Открыта подписка на 1916 годъ на ежемѣсячный духовный журналъ, вступающій въ четвертый годъ существованія,

<Проповѣдническій Листокъ>

съ <Пастырскимъ Чтеніемъ>.

Программа „Проп. Листка“. Поученія на всѣ воскресные и праздн. дни года и на разные случаи приходской практики. Внѣбогосл. собесѣдованія. Избранныя святоотеч. поученія. Программа „Паст. Чтенія“. Статьи по церковно-обществ. вопросамъ, по изъясненію Св. Писанія и богослуженія, статьи по другимъ богосл. вопросамъ. Обзорѣніе журналовъ и выдающихся явленій войны. Руководящія указанія по церк. уставу на каждый мѣсяць (недоумѣнные случаи). Каждая книжка журнала заключаетъ 5—6 печатныхъ листовъ. Журналъ разсылается задолго до 1-го числа того мѣсяца, на какой предназначаются проповѣди. Въ виду этого редакція проситъ подписываться заблаговременно (не позднее первыхъ чиселъ декабря). Подписная цѣна журнала—2 рубля въ годъ. Подписной годъ съ 1-го января. Выписывающіе 10 экз. журнала 11-й получаютъ бесплатно. Годовые экземпляры журнала за 1914 и 1915 годы по 1 р. 50 коп., а за 1913 г. (съ апр.)—1 р. 20 к. Изданіе журнала ни въ коемъ случаѣ не будетъ прекращено. Адресъ: Кіевъ Редакц. журн. „Проповѣдническій Листокъ“.

Редакторъ профессоръ Кіевской духовной академіи *М. Скаблановичъ.* Издатель преподаватель Кіевской семинаріи *А. Троицкій.*

Изъ новѣйшихъ отзывовъ о журналѣ. „Пропов. Лист.“ — рѣдкій на рѣдкость цѣнный духовный журналъ при такой поразительной его дешевизнѣ... Тамъ глубокія мысли облечены въ самую простую и сжатую рѣчь. Во всѣхъ проповѣдяхъ этого журнала чувствуется, что авторъ ихъ непримиримый врагъ пустыхъ фразъ, общихъ мѣстъ. Разсматриваемый въ нихъ вопросъ

почти всегда затрагивается съ совершенно новой стороны, такъ что интересъ къ проповѣди въ слушательѣ возбуждается уже одной неожиданностью предлагаемаго въ ней освѣщенія поставленнаго вопроса. Въ нихъ просвѣчивается глубокая церковность ихъ автора... Это, по истинѣ, рѣчь отъ сердца къ сердцу, и въ этой рѣчи слышится глубочайшее благоговѣніе къ Богу, и нѣжное, кроткое участіе къ ближнему... Статьи „Пастырскаго Чтенія“ должны быть интересны не только для пастыря, но и для всякаго образованнаго человѣка. Въ этихъ статьяхъ читатель не только съ среднимъ, но и съ высшимъ образованіемъ найдетъ для себя много новыхъ и интересныхъ свѣдѣній“ („Вѣра и Разумъ“ 1915 г., № 1). „Проповѣди. Листокъ“ представляетъ собою знаменат. явленіе въ области русской проповѣдн. литературы. Несомнѣнно мы имѣемъ здѣсь смѣло пробивающееся новое живое теченіе русской популярной проповѣди... Въ нѣкоторыхъ органахъ духовной печати уже было отмѣчено, что проповѣди журнала очень родственны по характеру проповѣдямъ замѣчат. и, можно сказать, единственнаго на Руси классич. представителя популярной проповѣди—протоіерея Родіона Пугачина. Это наблюденіе совершенно вѣрно... Почти каждую изъ проповѣдей „Проп. Листка“ въ цѣломъ или въ отдѣльной части одухотворяетъ какое-либо удачно схваченное прямо изъ жизни изъ реальныхъ внутр. переживаній соврем. живого человѣка наблюденіе. Живая реальная жизнь пробиваетъ здѣсь себѣ русло опредѣленно и настойчиво... Проповѣди „Проп. Листка“ представляютъ изъ себя довольно удачную въ общемъ попытку порвать съ установившимися фальшивыми условностями проповѣдн. языка и заговорить живымъ языкомъ живого соврем. человѣка. Здѣсь удачное начало серьезнѣйшей давно необходимой реформы общепринятаго у насъ проповѣдническаго стиля, въ направленіи реализма. Въ „Пастырское Чтеніе“ входятъ статьи, которыя даютъ пастырю идейный матеріалъ и сердечно-морально импульсы для его пастырской и въ особенности проповѣднической дѣятельности: здѣсь пастырь найдетъ и освѣщеніе теченій и явленій соврем. жизни, и истолкованіе мѣстъ Св. Писанія, и изъясненіе догмат. и нравств. истинъ, научно-серьезное по характеру содержанія и популярно-живое по изложенію. Для пастыря вообще здѣсь богатый источникъ для выработки христ. и пастырскаго міросозорданія. Всѣ указанныя свойства новаго пастырско-проповѣдн. органа даютъ пастырологу и гомилету полное право для искреннихъ пожеланій

журналу самого широкаго процвѣтанія“ („Христіанинъ“ 1915 г., мартъ). Поученія кратки, просты и содержательны, такъ что каждое изъ нихъ можно сравнить съ стаканомъ ключевой воды. Кто любитъ самъ работать надъ проповѣдями, тому проповѣди „Листка“ даютъ темы для проповѣдей; кто желаетъ научиться живому слову, тому проповѣди даютъ легко усваиваемый матеріалъ. Кто привыкъ читать готовые проповѣди, можетъ быть увѣренъ что проповѣдь будетъ понята всякимъ простецомъ. Проповѣди годятся и для дѣтой, гдѣ есть обычай готовить школьникамъ къ праздничному богослуженію. По минованіи надобности въ проповѣдяхъ священнику, проповѣди эти могутъ быть даваемы прихожанамъ для чтенія“ („Ряз. Еп. Вѣд.“ 1915 г. № 10).

Въ редакціи „Проповѣдническаго Листка“ принимается подписка на серію изъ 12-ти книгъ: „Христіанскіе праздни-ки“ подъ редакціей профессора Киевской академіи М. Скабалла-новича. Задача изданія—дать всестороннее освѣщеніе каждаго изъ великихъ (пока дванадесятихъ) праздниковъ со всѣмъ его богослуженіемъ. Книга о каждомъ изъ дванадесятихъ праздни-ковъ, начиная съ праздника Рождества Пресв. Богородицы 1915 г. и оканчивая Успеніемъ Богородицы 1916 года, бу-детъ заключать: 1) подробный живой рассказъ о празднуемомъ событіи, основанный на Евангеліи, святоотеческихъ твореніяхъ и научныхъ пособіяхъ, съ описаніемъ связанныхъ съ событіемъ мѣстъ Палестины; 2) полностью славянскій текстъ всей праад-ничной церковной службы съ переводомъ на русскій языкъ и съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ пѣснопѣвій; 3) истолкованіе му-зыкальной стороны праздничной службы (что выражаютъ ихъ напѣвы и ихъ чередованіе); 4) исторію установленія и развитія праздника; 5) обзорніе службы въ препразднество и попраздне-ство; 6) выясненіе значенія праздника; 7) приложение: служба праздника у католиковъ (съ переводомъ на русскій языкъ важ-нѣйшихъ пѣснопѣвій). Подписная цѣна (временно) серіи изъ 12-ти книгъ (каждая не менѣе 5—6 печатныхъ листовъ)—три рубля. Цѣна эта вскорѣ будетъ значительно повышена. Цѣна первой книги серіи (для ознакомленія) (стр. 134) о Праздникѣ Рождества Пресв. Богородицы 60 коп. съ пересылкой.

Въ той же редакціи можно приобрѣсть книги: проф. М. Ска-баллаповича. Толковый Типиконъ, вып. 1, Киевъ 1910 г., стр.

484 ц. 2 р. 50 к.; вып. 2 Кіевъ 1912 г., стр. 336, ц. 1 р. 75 к. Выпускъ 3-й, Кіевъ 1915 г., ц. 75 коп. Отзывъ печати о Толковомъ Типиконѣ. „Поистинѣ было бы жаль, если бы эта, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная и рѣдкостная по внутреннимъ достоинствамъ и практически-жизненному значенію, книга не получила самаго широкаго распространенія не только среди духовенства, но и въ православно-вѣрующихъ кругахъ нашего русскаго образованнаго общества. Книга можетъ несомнѣнно привлечь и любовь, и расположеніе не только къ богослуженію, но и къ самой церкви даже ея охладѣвшихъ членовъ. Книга—прямо сокровище и для законоучителя и для священника, равно—сельскаго и городского, въ его служебной практикѣ“ (Тавр. Церк.-Общ. Вѣстн. 1911 г.). А. Д. Троицкаго. „Евангельскія блаженства“ (Завѣты Спасителя о жизни и счастья). Всестороннее изъясненіе Христовыхъ заповѣдей блаженства. Кіевъ 1914 г., стр. 118, ц. 75 к., съ пер. 90 к. Отзывъ печати. „Незамѣнимая для законоучителей и преподавателей, увлекательная для любителей духовнаго просвѣщенія, очень пригодная для внѣбогослужебныхъ чтеній, книжка автора несомнѣнно получитъ самое широкое распространеніе“. („Богосл. Вѣстн“. 1915 г., апр.). „Въ русской литературѣ сейчасъ нѣтъ лучшаго пособія къ изъясненію заповѣдей блаженства. Книга написана съ глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, красивымъ, но самымъ общепонятнымъ языкомъ“ („Христіанинъ“, 1915 г., мартъ).

Церковныя пѣснопѣнія, положенныя для полнаго хора **Ив. Суворовымъ**: „Во струяхъ Іорданскихъ“ (Кондакъ на часѣхъ въ навечеріи Богоявленія).—Ц. 20 коп.

„Во свѣтѣ Твоемъ, Владыко.“—Ц. 16 коп. Пролаются въ магазинѣ нотъ П. Юргенсонъ, Москва.

С о д е р ж а н і е:

1. Поученіе въ день тезоименитства ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА и ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСІЯ НИКОЛАЕВИЧА 5 октября 1915 года.
2. Мои воспоминанія объ Ижмѣ.
3. Объявленія.

Редакторъ **Ив. Суворовъ**.

Вологда. Типографія Губернскаго Правленія. 1915 г.